

УДК 172

ОТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭТИКИ К ЦИФРОВОМУ ПРАВУ

В.П. Казарян, Е.А. Косарев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Поступила в редакцию: 26.09.25

В окончательном варианте: 27.10.25

Аннотация. Цель статьи – исследовать эволюцию этических принципов в условиях быстрого развития информационных технологий. Проблема предполагает междисциплинарный подход: сочетание философии, права, информационных технологий и бизнес-этики. В статье показана эволюция этических принципов в условиях быстрого развития информационных технологий. В условиях становления информационного общества этика была близка к традиционным общечеловеческим представлениям о добре и зле. С внедрением информационных технологий в бизнес появилась новая инструментальная функция этики. Этика стала необходимым условием достижения успеха в бизнесе. Это уже не интимная часть духовного мира человека, а инструмент бизнес-действия. При этом традиционные нравственные принципы были адаптированы к новым бизнес-реалиям. Привычные этические нормы наполнялись новым содержанием. В условиях современной цифровой культуры, в центре которой стоят современные варианты искусственного интеллекта, адаптационные процессы включены в сложнейшие социальные проблемы, что приводит к сближению этики и права. Современные технологии, прежде всего искусственный интеллект (ИИ), отменяют традиционный взгляд на технологии как на продолжение действия человеческой воли. Нарастает автономность технологий. Чем более автономными становятся технологии, системы ИИ, тем меньше человек контролирует их поведение. Автономность ИИ ограничивает нашу способность вмешиваться в критическую, например, ситуацию. Путь развития искусственного интеллекта идет от функции инструмента к самостоятельности, т. е. функции субъекта. Возникают риски потери контроля над технологиями. Если автономная система принимает решение взаимодействовать с окружающей средой и обучаться без непосредственного участия человека, то встает вопрос о том, кто несет ответственность за ее действия. Является в таком случае ИИ инструментом или же субъектом? Кто виноват в том случае, если ИИ-система ошибается: разработчики, пользователи или же сама система? Например, если врач полагается на ИИ при постановке диагноза и диагноз оказывается ошибочным, кто несет ответственность – врач или алгоритм? Нравственные дилеммы, связанные с применением искусственного интеллекта, требуют разработки этических норм, которые бы регулировали поведение «машин»-алгоритмов. В определенных ситуациях нравственных норм оказывается недостаточно, начинают вступать в силу правовые нормы (информационное право).

Ключевые слова: этика, информационные технологии, цифровое общество, алгоритм, искусственный интеллект, инструмент, субъект, право.

FROM INFORMATION ETHICS TO DIGITAL LAW

V.P. Kazaryan, E.A. Kosarev

M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Original article submitted: 26.09.25

Revision submitted: 27.10.25

Abstract. The purpose of the article is to investigate the evolution of ethical principles in the context of the rapid development of information technology. The problem involves an interdisciplinary approach: a combination of philosophy, law, information technology and business ethics. The article shows the evolution of ethical principles in the context of the rapid development of information technology. In the context of the formation of the information society, ethics was close to the traditional universal ideas of good and evil. With the introduction of information technology in business, a new instrumental ethics function has appeared. Ethics has become a prerequisite for business success. This is no longer an intimate part of the spiritual world of a person, but an instrument of business action. At the same time, traditional moral principles were adapted to new business realities. The usual ethical standards were filled with new content. In the context of a modern digital culture, in the center of which are modern versions of artificial intelligence, adaptation processes are included in the most complex social problems, which leads to a convergence of ethics and law. Modern technologies, primarily the development of artificial intelligence, abolishes the traditional view of technology as a continuation of the human will. The autonomy of technology is growing. (For example, autonomous weapons systems can make decisions without human intervention about who is left alive and who is not. In the context of autonomous cars, the algorithms themselves choose what to do in an accident situation). The more autonomous technologies, AI systems become, the less a person controls their behavior. AI autonomy limits our ability to intervene with a critical, for example, situation. The path of development of artificial intelligence goes from the function of the tool to independence, i.e. the function of the subject. There are risks of losing control of technology. If the autonomous system decides to interact with the environment and learn without direct human participation, then the question arises who is responsible for their actions. In this case, is AI a tool or a subject? In the event that the AI system is mistaken, then who is to blame for this: developers, users, or the system itself. For example, in the case of a doctor who relies on AI when making a diagnosis, then if the diagnosis is erroneous, who is responsible – the doctor or the algorithm. The moral dilemmas associated with the use of artificial intelligence require the development of ethical standards that would regulate the behavior of "machines" – algorithms. In certain situations, moral norms are not enough, legal norms (information law) begin to enter into force.

Keywords: ethics, information technology, digital society, algorithm, artificial intelligence, tool, subject, law.

Этика как необходимый инструмент современного бизнеса

В процессе развития информационного и постинформационного (цифрового) общества возникли небывалые ранее в культуре проблемы, которые приняли ярко выраженное этическое очертание. В основополагающих документах, определяющих стратегию развития информационного общества [6; 9], особое внимание обращено на этические вопросы, пронизывающие все сферы общества высоких технологий. Согласно этим документам информационное общество должно быть основано на этических ценностях. Когда речь заходит об этике, то, как писал У. Эко, речь идет о том, что делать хорошо, что делать дурно, чего не следует делать ни при каких обстоятельствах [10].

Информационные технологии, являющиеся основой и других современных технологий – нанотехнологий, биотехнологий, когнитивных технологий [4], повлияли, в частности, на развитие корпораций от фирмы до ТНК, которые превратились в мощную силу, играющую огромную роль в мировой экономике и политической ситуации, а также повлияли на человека и его образ жизни. Количественное возрастание ответственности за свои действия переходит в качественное изменение нравственности. Корпорации ответственны за планету и человечество, за развитие ИТ и хозяйства. Человек – пользователь Интернета – ответственен перед миллиардами людей за свое слово в Интернете, направляющее к добру или злу.

Интересы бизнеса стали требовать соблюдения этических норм при взаимодействии компаний и взаимодействии сотрудников внутри компаний. World Economic Forum (WEF) инициировал разработку проблем кибербезопасности, которую поддерживали многие крупные компании. В 2007 году в Москве была разработана «Хартия руководителей ИТ-компаний по вопросам этики и защиты собственности». Руководители и управленцы ИТ-компаний обнаружили, что этика становится необходимым условием успешной работы и успеха компании. Этические кодексы становятся неотъемлемой частью организационной работы корпорации [5].

Для ясности приведем пример из практики отечественной корпорации – Группа ГАЗ». Одним из направлений корпоративной политики стало введение стандартов профессиональной этики на всех предприятиях компании. С 2011 года начал действовать Кодекс этики «Группы ГАЗ». В нем отражена система этических ценностей и свод правил для каждого сотрудника, играющих приоритетную роль в сохранении безупречной репутации компании, повышении эффективности бизнеса, выстраивании долговременных отношений с партнерами. Приведем фрагмент Кодекса, из которого становится ясным новое содержание этики: она является инструментом достижения успеха и включает новые нравственные принципы:

«Уважаемые сотрудники! Наша компания – это большой коллектив единомышленников, объединенный общими целями и задачами. Устойчивость и развитие нашего бизнеса, профессиональный рост и благосостояние сотрудников зависят от того, насколько каждый из нас готов работать максимально эффективно, готов рассматривать и защищать интересы компании, как свои собственные. Кодекс Этики, который действует в нашей компании, основополагающий корпоративный закон и свод правил, которыми должны руководствоваться в своей деятельности все члены нашего коллектива.

Принципиальность, добросовестность, честность, открытость, взаимоуважение должны стать нашими приоритетами. Именно эти направления и принципы являются условиями достижения успеха компании как в рыночной среде, так и в общественной жизни. В условиях жесткой конкурентной борьбы важны не только профессиональные навыки, а слаженная командная работа, личная причастность к общим бизнес-целям, следование единым обязательствам и этическим нормам, высокая исполнительская дисциплина.

Кодекс призван создать благоприятные условия, в которых каждый бы понимал и принимал корпоративные ценности, эффективнее применял свои знания и опыт для достижения стратегических целей Группы, получал удовлетворение от результатов своей работы и имел возможности для карьерного роста.

Мы также должны максимально ценить каждого нашего клиента, партнера, поставщика и включать их в круг корпоративных ценностей Группы ГАЗ. Качественный человеческий капитал и надежная репутация компании – наши основные ценности. Любые действия, наносящие ущерб имиджу «Группы ГАЗ», рассматриваются как нарушение Кодекса этики являются недопустимыми. Сотрудники должны внимательно относиться к своим действиям на рабочих местах и обеспечивать соблюдение правил корпоративного поведения не только со своей стороны, но и со стороны своих коллег».

Стало очевидным, что этика является инструментом деятельности в бизнесе и условием его успеха. Информационные технологии породили новую функцию этики – быть основой бизнеса – и потребовали адаптировать содержание этики к новым реалиям.

Этический искусственный интеллект как средство созидания жизненного мира

В условиях информационных технологий не только деловой успех зависит от соблюдения этических норм, но и образ жизни и деятельности людей. Он становится все более прозрачным для внешнего наблюдателя. «Многие завоевания демократии могут потерять свою действенность: неприкосновенность личной жизни, тайна переписки, врачебная и служебная тайны и т. п. могут стать пустыми декларациями, которые не будут иметь ничего общего с реальной жизнью» [3]. В этой ситуации регулирование отношений в обществе во многом осуществляется на основе нравственных норм. Нравственная позиция человека является не только интимной частью его духовного мира, но и средством созидания жизненного мира, той среды, в которой разворачиваются отношения с другими людьми. Существование в виртуальном мире привело к формированию этических норм и кодексов поведения в Интернете.

Международная федерация по информационным технологиям (IFIP) рекомендовала принять кодексы компьютерной этики национальным организациям других стран с учётом местных культурных и этических традиций. Искусственный интеллект (ИИ) уже оказывает серьезное влияние на общество. В результате многие организации запустили широкий спектр инициатив по установлению этических принципов внедрения социально полезного ИИ.

Возникают значительные разногласия по поводу того, что представляет собой «этический ИИ». Так, например, по мнению Н.В. Буханцевой, основой всех кодексов служат десять заповедей (подобно библейской Нагорной проповеди, в которой содержатся десять заповедей – моральных постулатов). «Во всех кодексах наряду с перечисленными заповедями и общечеловеческими моральными нормами (честное исполнение своих обязанностей, профессиональная и социальная ответственность, повышение квалификации, расовое равенство и т. п.) содержатся нормы, основанные на соблюдении четырёх главных моральных принципов: privacy (тайна частной жизни), accuracy (точность), property (частная собственность) и accessibility (доступность)» [2].

Известный специалист в области философии информации Л. Флориди специально анализировал разные наборы принципов. Он обнаружил высокую степень совпадения принципов в анализируемых наборах. В результате он определяет структуру этики, выделяет пять основных принципов этического ИИ. Четыре из них являются основными принципами, обычно используемыми в биоэтике: благо, непричинение вреда, автономия и справедливость. На основе сравнительного анализа он утверждает, что дополнительно необходим новый принцип: объяснимость (понятность) [12].

Моральные кодексы оказались полезными во многих ситуациях, возникающих в виртуальном мире. Но достаточно ли их для того, чтобы регулировать отношения в цифровом мире, когда происходит дальнейшее совершенствование самых современных технологий, в особенности искусственного интеллекта? Цифровизация стала одним из ключевых трендов в российском обществе, хотя этот процесс начался сравнительно недавно. Она охватывает экономику, сферу коммуникаций и культуру, изменяя повседневную жизнь. Цифровизация проникает во все сферы жизни общества, меняя привычные формы взаимодействия людей, организаций и государств. В этом контексте возникает необходимость осмысления того, каким образом новые технологии влияют на моральные нормы и ценности, а также как сами эти нормы могут регулировать процессы цифровой трансформации. Цифровизация включает в себя два основных аспекта: внедрение цифровых технологий в разные области человеческой деятельности и создание цифровой среды, которая формирует новую цифровую культуру.

Этика всегда была связана с вопросами выбора, ответственности и справедливости. Однако в условиях цифровизации традиционные подходы приобретают новый облик. Исследование взаимодействия этики и цифровизации становится важным направлением философской мысли. С одной стороны, цифровые технологии открывают перед человечеством огромные возможности для прогресса и улучшения качества жизни. С другой стороны, они порождают новые вызовы, такие как защита персональных данных, проблема искусственного интеллекта и автоматизации труда, обеспечение кибербезопасности и многие другие. При этом традиционные этические принципы адаптируются к новым реалиям цифрового мира, что порождает новые проблемы.

Понятие приватности в цифровую эпоху

Рассмотрим вопрос о приватности в цифровую эпоху. Можно на этом примере продемонстрировать эволюцию этики новейших технологий

к правовым нормам. Право на приватность – одно из ключевых прав личности, которое становится все более важным в условиях стремительного развития цифровых технологий и глобальной сети Интернет. Этот аспект приобрел особую актуальность в последние несколько десятилетий, когда повсеместная доступность информации и ее обработка стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов людей по всему миру.

В цифровую эпоху понятие приватности претерпело значительные изменения. Современные технологии позволяют компаниям, государственным структурам и даже частным лицам собирать, анализировать и использовать огромные массивы персональных данных. Эти данные могут включать информацию о наших привычках, предпочтениях, местах пребывания, контактах и многом другом. Все это делает нас уязвимыми перед потенциальными угрозами нарушения конфиденциальности, такими как утечки данных, несанкционированный доступ к личной информации и злоупотребление персональными данными. Сегодня защита приватности выходит далеко за рамки традиционного понимания неприкосновенности жилища или переписки. Теперь речь идет о защите нашей цифровой идентичности, которая включает в себя не только наши личные данные, но и нашу онлайн-активность, предпочтения и поведение в Интернете. Вопросы безопасности личных данных становятся центральными при обсуждении регулирования деятельности крупных технологических компаний, а также государственных органов, обладающих доступом к таким данным.

Традиционные подходы к защите приватности уже не всегда позволяют эффективно справляться с новыми вызовами. Поэтому возникает необходимость в разработке новых правовых механизмов и стандартов, которые будут учитывать специфику цифрового мира. Важно обеспечить баланс между свободным обменом информацией и защитой личных данных, чтобы каждый человек мог чувствовать себя защищенным в виртуальном пространстве. Таким образом, право на приватность сегодня требует комплексного подхода, включающего законодательные инициативы, технические решения и повышение осведомленности граждан об их правах и обязанностях в области защиты персональных данных.

Одной из первых попыток защитить персональные данные стал Закон о защите данных в Германии, принятый в 1977 году. Этот закон установил принципы обработки персональных данных, включая требование получения согласия субъекта данных перед их обработкой. Впоследствии подобные законы были приняты и в других странах, создавая основу для современной системы защиты персональных данных.

Сегодня цифровые технологии предоставляют возможность сбора и анализа огромных объемов данных о поведении пользователей в Интернете. Социальные сети, поисковые системы, интернет-магазины и другие онлайн-сервисы собирают информацию о наших предпочтениях, интересах, местоположении и даже эмоциональном состоянии. Эти данные используются для создания персонализированных рекламных предложений, улучшения пользовательского опыта и разработки новых продуктов и услуг. Однако такая практика вызывает серьезные опасения у правозащитников и экспертов по информационной безопасности. Во-первых, существует риск утечки персональных

данных, что может привести к финансовым потерям, краже личных данных и другим негативным последствиям. Во-вторых, сбор и обработка данных без согласия пользователей нарушает принцип добровольного информированного согласия, который является одним из основополагающих принципов медицинской этики и правовой практики.

Для защиты права на приватность в цифровую эпоху разрабатываются новые законодательные акты и нормы. Одним из наиболее известных примеров является Общий регламент по защите данных (GDPR) Европейского Союза, вступивший в силу в мае 2018 года. Этот документ устанавливает строгие правила обработки персональных данных и предоставляет пользователям больше контроля над своими данными. В России также принимаются меры по защите персональных данных. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» регулирует порядок обработки персональных данных и устанавливает ответственность за нарушение этого порядка.

В итоге существует неопределенная ситуация. Приватные данные о людях собираются, хранятся и обрабатываются неизвестными им специалистами. Никто не сможет указать имена конкретных людей или аналитиков, например в Google, которые ответят – каким образом, где и в какой степени использовались персональные данные конкретного человека. В связи с этим возникает вопрос: как найти баланс между правом на приватность и другими правами, такими как право на доступ к информации?

Вопросы этики в контексте сбора и обработки данных

Многие философы рассматривают вопросы этики в контексте сбора и обработки данных. Один из центральных вопросов заключается в том, каким образом компании и государственные структуры должны соблюдать принципы прозрачности и ответственности при обработке персональных данных. Единодушия в решении этой проблемы не наблюдается. Одни философы утверждают, что сбор данных должен основываться на принципе информированного согласия, чтобы пользователи четко понимали, какая информация собирается и как она будет использоваться. Другие авторы обращают внимание на связь между правом на приватность и возможностью самоопределения. Например, Ханна Арендт в своих работах подчеркивает важность сохранения приватного пространства для формирования и поддержания идентичности. Она отмечает, что разрушение приватного пространства приводит к утрате чувства собственного достоинства и автономии, что делает человека уязвимым перед манипуляциями со стороны власти [1]. В современном контексте это означает, что отсутствие контроля над собственными данными может угрожать способности человека формировать свою идентичность и самостоятельно определять свою судьбу.

Ряд философов рассматривает вопросы социальной справедливости в контексте сбора данных. А. Орехов рассматривает проблему социального неравенства в рамках цифрового мира и предлагает подходы к управлению данными, направленные на обеспечение социальной справедливости [7]. Он указывает на то, что неравный доступ к технологиям и информационным ресурсам может усугублять существующее социальное неравенство. Законодательство о персональных данных должно учитывать эти аспекты и стремиться к обеспечению равных возможностей для всех членов общества.

Л. Флориди анализирует этические аспекты сбора и обработки данных, подчеркивая важность соблюдения прав на приватность и защиту информации [11; 13]. Флориди начинает с анализа понятия права на приватность в контексте современного цифрового мира. Он подчеркивает, что с развитием технологий и широким распространением цифровых устройств и сервисов понимание и реализация этого права существенно изменились. Автор отмечает, что новые технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные и интернет вещей, создают дополнительные угрозы для приватности, требуя новых подходов к защите персональной информации. Искусственный интеллект создается на основе больших данных, без них его не построить. И здесь важно договориться о принципах сбора и использования информации. Автор выделяет следующие ключевые аспекты:

- **прозрачность.** Пользователи должны быть полностью осведомлены о том, какие данные собираются, как они используются и кем. Компании обязаны предоставлять ясную и понятную информацию об этих процессах;
- **ответственность.** Организации, собирающие данные, несут ответственность за их безопасность и правильное использование. Это предусматривает принятие мер по предотвращению несанкционированного доступа и утечек данных;
- **уважение к правам пользователей.** Пользователи должны иметь возможность контролировать свои данные, включая право на удаление или изменение информации. Важно обеспечить, чтобы компании уважали эти права и предоставляли пользователям соответствующие инструменты для управления своими данными.

Если удастся договориться о сборе и хранении данных, на этом обсуждения не заканчиваются. Часто упоминают концепцию «права на забвение», она также сильно привлекает внимание философов [12].

Право на забвение (или право быть забытым) – это право человека потребовать при определенных условиях удалить свои персональные данные из общего доступа через поисковые системы, если эти данные могут нанести ему вред [8]. Это касается устаревшей, неуместной, неполной, неточной или избыточной информации, а также данных, для хранения которых больше нет законных оснований. Право на забвение отражает требование индивида об удалении данных, чтобы они стали недоступными для третьих лиц. Это отличается от «права забывать», которое относится к запрету на упоминание исторических событий из-за срока давности. Право на забвение заключается в праве каждого на исчерпывающую и актуальную информацию о себе и отделено от права на неприкосновенность частной жизни. В некоторых странах-членах ЕС, например, появился новый законопроект, согласно которому человек может требовать удаления своих персональных данных и отказа от их дальнейшего распространения, особенно если эти данные были опубликованы, когда он был несовершеннолетним, или если они больше не соответствуют цели своей публикации.

Поднимаются вопросы ответственности и надзора за сбором и обработкой данных. В частности, обсуждают, каким образом можно гарантировать, что компании и государственные учреждения соблюдают установленные законом нормы и не злоупотребляют своими полномочиями. Зону

ответственности можно разделить: с одной стороны, есть компании, которые собирают и обрабатывают данные, с другой стороны, есть сотрудники, некоторые из которых могут физически иметь доступ к персональным данным. С третьей стороны, данные обрабатываются алгоритмами, а у этих алгоритмов есть разработчики: если алгоритм нарушил законодательство, то кто виноват?

ИИ – только инструмент или самостоятельный агент – субъект?

Многие современные алгоритмы, особенно те, которые используют машинное обучение, являются сложными и не всегда полностью понятными даже их разработчикам [16]. Эти алгоритмы могут самостоятельно обучаться и адаптироваться во время работы, изменяя свои внутренние правила и логику принятия решений. Это делает крайне сложным отслеживание всех шагов, которые алгоритм предпринял для достижения определенного результата.

Кроме того, алгоритмические системы часто представляют собой распределенные сети, включающие множество компонентов и участников. Например, данные могут собираться, обрабатываться и передаваться через несколько различных платформ и организаций до того, как они будут использоваться в алгоритме. В такой системе сложно выделить одного ответственного за конечный результат. Даже если известно, какие действия совершил алгоритм, бывает трудно понять, почему он принял определенные решения. В случае с алгоритмами, основанными на статистических моделях или машинном обучении, связь между входными данными и результатом может быть нелинейной и многослойной, что затрудняет идентификацию конкретных причин произошедшего.

В итоге возникает агентская двусмысленность: встают вопросы относительно того, можно ли считать алгоритмы полноценными агентами, ответственными за свои действия. Некоторые утверждают, что алгоритмы действуют лишь как инструменты, выполняющие команды своих разработчиков, тогда как другие считают, что алгоритмы обладают определенной степенью автономности, которая требует признания их в качестве самостоятельных агентов. Авторы считают, что разработчики должны стремиться делать алгоритмы более прозрачными и объясняемыми. Это включает в себя предоставление подробной документации о том, как работает алгоритм, какие данные использовались и каким образом принимались решения. Также необходимо усилить контроль над процессом разработки алгоритмов, включая аудит и тестирование перед внедрением. Важно проводить регулярные проверки уже работающих алгоритмов на предмет возможных ошибок и предвзятости. Ну а самое важное – повышать уровень осведомленности пользователей и разработчиков о потенциальных рисках и последствиях использования алгоритмов. Это поможет лучше понимать, как работают эти системы и как избежать негативных последствий. В итоге авторы не полностью встают на сторону пользователей, оставляя маневр разработчикам, понимая, что в очень сложных системах, многие из которых работают по принципу «черного ящика», все проконтролировать не получится.

Если еще не так давно компьютерные программы считались всего лишь инструментами, предназначенными для автоматизации и ускорения

рутинных операций, то сегодня нередко появляются примеры автономных алгоритмических агентов, способных генерировать гипотезы, анализировать большие объемы информации и влиять на социальные либо экономические процессы, часто предвосхищая человеческие решения. Где проходит грань между ИИ как инструментом и самостоятельным агентом – субъектом?

В современных условиях роль алгоритмов искусственного интеллекта не может быть сведена к роли инструмента, поскольку их способность к самообучению и генерации новых решений в ряде случаев опровергает мнение, будто они лишь пассивно выполняют волю человека. Л. Флориди, акцентируя внимание на этико-философских последствиях цифровой трансформации, выделяет плодотворность теории эмерджентных свойств, идею распределенной агентности, этико-ценностных вызовов, связанных с распределением ответственности в условиях широкой автономии алгоритмов. Возникла необходимость рассмотреть, как распределяются роли между людьми и алгоритмическими системами и как это вынуждает пересматривать понятия субъекта-агента и ответственности. Вынуждает искать новые юридические и этические инструменты для регулирования распределенной ответственности.

Многие теоретики указывают, что полноценная субъектность в социальной практике подразумевает наличие прав, обязанностей и ответственности. В этом контексте возникает дискуссия на тему: насколько корректно говорить об ответственности искусственного интеллекта, если он интегрирован в систему, созданную людьми, и все его действия в итоге отражают интересы и представления создателей или операторов? Развитие искусственного интеллекта открывает новые горизонты для постановки проблемы в дискуссии. Этические и социальные следствия подобной неопределенности достаточно широки. Если мы окончательно решим считать ИИ всего лишь инструментом, тогда вся ответственность за действия алгоритмов лежит на людях: заказчиках, программистах, организациях, обладающих правами на программное обеспечение. Такой подход кажется логичным сейчас, когда уровень «самостоятельности» ИИ все еще относителен. Но что произойдет, если будущее принесет модели, способные принимать решения более комплексно и быстро, чем человек, и мы отчасти утратим возможность прогнозировать их действия?

Значительная часть философов и правоведов предупреждает о необходимости уже сейчас готовиться к сценарию, где ИИ будет оказывать все большее влияние на экономику, медицину, криминалистику, военное дело и множество других сфер. Распределенная ответственность становится здесь особенно сложной: если ошибка произошла из-за непредусмотренного поведения алгоритма, кто в этом виноват? Разработчик, предоставивший несовершенный код? Пользователь, допустивший неконтролируемое самообучение? Или сама система, которая «решила» действовать таким образом, опираясь на внутренние механизмы, скрытые даже от создателей? Именно в этой точке и зарождается необходимость обсуждения полуправового статуса ИИ, а, возможно, и признания за ним некоторых элементов субъектности.

Концепция «электронного лица» в политико-правовых документах Европейского союза отражает попытку ввести новую категорию, промежуточную

между человеком и юридическим лицом. Предполагается, что автономные системы, способные действовать без прямого вмешательства со стороны человека, должны иметь некий статус, позволяющий регистрировать их действия, а также возлагать на них или на их «операторов» определенные обязательства. Критики этого подхода называют его преждевременным, утверждая, что ИИ не может быть наделен полноценными правами и обязанностями, ведь у него нет побуждений, интересов и ощущений страдания, которые могли бы служить основанием для этической и правовой субъектности. Наряду с этим сторонники идеи «электронного лица» указывают, что и юридическое лицо (компания или корпорация) не обладает собственным сознанием или чувствами, однако это не мешает нам признавать за ним право выступать в суде, заключать сделки и нести ответственность. Если мы смогли абстрактно конструировать субъектность для корпораций, почему бы не сделать то же самое для высокоавтономных систем, действующих в цифровой среде?

Во всех этих разговорах прослеживается глубокий метафизический конфликт: где провести границу между «истинной» субъектностью, подразумевающей реальность внутреннего переживания, и «фиктивной» субъектностью, имеющей лишь функционально-правовой характер? С одной стороны, юридические фикции широко используются в обществе и наделение ИИ особыми правами может оказаться практичным решением проблемы ответственности и защиты интересов третьих лиц. С другой стороны, многие философы настаивают, что это не снимает вопроса о том, можно ли считать машину действительно «живым» или «мыслящим» существом. При всей полезности правовых конструкций они не заменяют собой онтологическую данность: либо машина обладает сознанием, либо нет, и если да, то в чем оно заключается. Научный же и социальный интерес состоит в том, что мы можем столкнуться с ситуацией, в которой ИИ будет казаться социально действующим лицом, оказывающим влияние на нашу повседневную реальность, и от того, как мы разрешим данную дилемму, зависит будущее всей цифровой культуры человечества.

Таким образом, вопрос о том, считать ли ИИ машиной, квазисубъектом или полноценным актером, не имеет однозначного ответа.

Механистическая парадигма продолжает утверждать, что алгоритмически детерминированная система не способна к подлинной рефлексии, а любые формы «сложного поведения» являются всего лишь результатом программной логики в сочетании с большими объемами данных. В то же время сторонники идей эмерджентности и сложных систем указывают на непредсказуемое поведение некоторых сетей, допускающее появление новой формы агентности, пусть пока и не подтвержденной на уровне субъективных переживаний. При современных темпах развития алгоритмических систем это определение стало объектом пересмотра: машины уже не являются пассивными инструментами, полностью зависящими от воли оператора, а начинают играть все более значимую роль в формировании гипотез, прогнозировании и даже продуцировании новых знаний. В условиях алгоритмической обработки размывается грань между «инструментальной» и «агентной» функцией компьютерных программ, когда речь идет о системах глубокого

обучения и прочих формах искусственных нейронных сетей, способных генерировать нетривиальные решения. Встает вопрос: насколько мы можем продолжать считать их простыми механизмами, не обладающими собственной «точкой зрения» на исследуемую реальность?

Заключение

Право на приватность в цифровую эпоху становится все более важным и сложным вопросом. Одни лишь этические принципы оказываются неспособными справиться с проблемой. Развитие прежде всего искусственного интеллекта в его современной форме приводит к необходимости привлекать правовые нормы. Этика цифрового общества, по крайней мере, в проблеме приватности соприкасается с правовыми нормами. Видимо, по мере того как алгоритмы искусственного интеллекта будут все более обретать автономность, можно будет говорить об их квази-субъектности, о том, что они становятся агентами, которые должны будут включаться в этико-правовую жизнь.

Список литературы

1. *Арендт, Х.* Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – Москва: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-006-X.
2. *Буханцева, Н.В.* Культура взаимодействия в виртуальном пространстве: глобальные этические проблемы глобальной сети / Н.В. Буханцева // Новые технологии в образовании: тезисы докладов междунар. электронной конф. – URL: http://naukapro>ot 2007/3_018.htm
3. *Колин, К.К.* Информационные технологии в системе глобальной безопасности: новые приоритеты / К.К. Колин // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 14–21.
4. *Ковальчук, М.В.* Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее / М.В. Ковальчук // Российские нанотехнологии. – 2011. – Т. 6. – № 1–2. – С. 13–23.
5. *Малюк, А.А.* Этика в сфере информационных технологий / А.А. Малюк, О.Ю. Полянская, И.Ю. Алексеева. – Москва: Горячая линия – Телеком, 2011. – 344 с. – ISBN 978-5-9912-0197-1.
6. Окинавская хартия глобального информационного общества. – 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 20.01.2025).
7. *Орехов, А.М.* Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы / А.М. Орехов, Н.А. Чубаров // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2024. – № 1. – С. 260–272.
8. Право на забвение. Рувики: Интернет-энциклопедия. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Право_на_забвение
9. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1691980/
10. *Эко, У.* Пять эссе на темы этики / У. Эко; пер. с итал. Е.А. Косюкович. – Санкт-Петербург: Сипмозиум, 2003. – 158 с. – ISBN 5-89091-210-0.
11. *Floridi, L.* The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality / L. Floridi. – Reprint ed. – Oxford: OUP Oxford, 2014. – 256 p.
12. *Floridi, L.* A Unified Framework of Five Principles for AI in Society / L. Floridi, J. Cows // Harvard Data Science Review. – 2019. – No. 1. – Pp. 2–15.
13. *Floridi, L.* The Ethics of Information / L. Floridi. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 357 p.
14. *Tsamados, A.* The ethics of algorithms: key problems and solutions / A. Tsamados [et al.]. // Ethics, governance, and policies in artificial intelligence. – 2021. – Pp. 97–123.

References

1. *Arendt H.* Origins of Totalitarianism. Moscow: CenterKom, 1996. 672 p. ISBN 5-87129-006-X (In Russ.).
2. *Bukhantseva N.V.* Culture of interaction in the virtual space: global ethical problems of the global network. *Abstracts of the international electronic conference "New technologies in education"*. Available from: http://naukapro>ot 2007/3_018.htm
3. *Colin K.K.* Information technologies in the global risk-free system: new priorities. *Modern information technologies and IT education*. 2015;11(1):14-21 (In Russ.).
4. *Kovalchuk M.V.* Convergence of sciences and technologies – a breakthrough into the future. *Russian nanotechnology*. 2011;6(1–2):13-23 (In Russ.).
5. *Malyuk A.A., Polyansky O.Yu., Alekseeva I.Yu.* Ethics in the field of information technology. Moscow: Hotline-Telecom, 2011. 344 p. ISBN 978-5-9912-0197-1 (In Russ.).
6. Okinawa Charter of the Global Information Society. 2000 [Electronic Resource]. Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (accessed: 20.01.2025).
7. *Orekhov A.M., Chubarov N.A.* Digital inequality and digital justice: socio-philosophical aspects of the problem. *Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy*. 2024;1:260-272 (In Russ.).
8. Right to be forgotten. *Ruwiki: Internet Encyclopedia* (In Russ.).
9. Information Society Development Strategy in the Russian Federation. No. Pr-212 dated February 7, 2008 (In Russ.).
10. *Eco W.* Five essays on ethics. Transl. from ital. E.A. Kosyukovich. St. Petersburg: Sipsomium, 2003. 158 p. ISBN 5-89091-210-0 (In Russ.).
11. *Floridi L.* The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Reprint ed. Oxford: OUP Oxford, 2014. 256 p. (In Eng.).
12. *Floridi L., Cows J.* A Unified Framework of Five Principles for AI in Society *Harvard Data Science Review*. 2019;1:2-15 (In Eng.).
13. *Floridi L.* The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. 357 p. (In Eng.).
14. *Tsamados A. [et al.].* The ethics of algorithms: key problems and solutions. *Ethics, governance, and policies in artificial intelligence*. 2021. Pp. 97–123 (In Eng.).

Информация об авторах

КАЗАРЯН Валентина Павловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8201-4661.

E-mail: kazaryanvp@mail.ru

КОСАРЕВ Евгений Александрович – аспирант кафедры математических методов прогнозирования факультета вычислительной математики и кибернетики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия. **E-mail:** evgenijkkk@yandex.ru

Information about the authors

KAZARYAN Valentina P. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Natural Sciences Faculties of the Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow Russia; eLibrary SPIN: 8201-4661. **E-mail:** kazaryanvp@mail.ru

KOSAREV Evgeny A. – postgraduate student of the Department of Mathematical Methods of Forecasting of the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. **E-mail:** evgenijkkk@yandex.ru